

КАРТИНА ВРЕМЕНИ. АДРЕСА

ЮРИЙ ДОМАНСКИЙ

ВСЕЛЕННЫЕ
ВЫСОЦКОГО

НА СЕРЕБРЯНЫХ
СТРУНАХ ВРЕМЕНИ

ПОЭЗИЯ, ТЕАТР,
КОНЦЕРТ, КИНО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09:792.071:929(470)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8+85.334.3(2)6-8
Д66

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается.
В оформлении книги использовано изображение
из фотобанка РИА Новости и ЛЕГИОН-медиа*

Доманский, Юрий Викторович.

Д66 Вселенные Высоцкого: На серебряных струнах времени. Поэзия, театр, концерт, кино. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (Картина времени. Адреса).

ISBN 978-5-17-183802-7

Книга филолога Юрия Доманского «Вселенные Высоцкого: На серебряных струнах времени» предлагает погрузиться в мир одного из самых ярких представителей русской культуры XX века, приблизиться к осмыслению творчества Высоцкого как поэта и как актёра, задуматься о гениальных его сказках, прислушаться к тому, что Высоцкий рассказывал на своих концертах, и ещё для кого-то вспомнить, а для кого-то постичь и эмоционально пережить некоторые моменты из совсем недавнего, но уже легендарного времени в истории страны – времени Владимира Высоцкого.

Доманский Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, сотрудник Государственного центрального театрального музей имени А. А. Бахрушина.

**УДК 821.161.1.09:792.071:929(470)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8+85.334.3(2)6-8**

ISBN 978-5-17-183802-7

© Юрий Доманский, рукопись, 2026
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2026
© Владимир Высоцкий (наследники). стихи,
образ на обложке

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЬ СТРУН 5

СТРУНА ПЕРВАЯ

Мой Высоцкий 11

СТРУНА ВТОРАЯ

1980-й 41

25.07.1980 51

«Пародия-80» 57

Памяти Высоцкого 66

«Более или менее вечные ценности» 70

«Кружовник» 73

«Копейка» 84

«Обратная сторона Луны» 91

«Дом Солнца» 99

СТРУНА ТРЕТЬЯ

Рассказчик 105

Название песни 114

«Лекция» в ракурсе автометапаратекстов 123

СТРУНА ЧЕТВЁРТАЯ

Поэт 147

СТРУНА ПЯТАЯ	
Актёр	211
СТРУНА ШЕСТАЯ	
Сказочник	253
СТРУНА СЕДЬМАЯ	
Нам по пути...	273
ЛИТЕРАТУРА	279

СЕМЬ СТРУН

Нижайше прошу отнестись снисходительно к тому, что начну с себя. Всегда любил я читать. Волшебство соединяемых в слова букв, соединяемых во фразы слов рождало миры, доступные, как казалось, только мне. Эдгар По считал, что в литературе есть такие произведения (их он называл оригинальными), после прочтения которых читатель думает: «Вот мысль, которой придерживаемся только я и автор». И мне казалось — по крайней мере в детстве, — что многие прочитанные книги создавались лишь для меня одного, и лишь для меня старались великие писатели прошлого. Думаю, ничего удивительного тут нет, ведь весь мир, что был до моего появления в нём, существовал только для того, чтобы я появился на свет; а всё, что дальше будет в этом мире, будет только потому, что в нём есть я. Так казалось.

Разумеется, потом оказалось, что всё не так. Всё не так, как надо. Но до поры до времени книги, говорившие со мной на моём языке, внушали как раз такую картину мира, где в центре и пространства, и времени был я. И я верил в свою исключительность, при этом не менее твёрдо веря в исключительность всех остальных людей — всех, кто жил когда-то, и кто живёт сейчас, и кто будет жить в грядущем. Как писал Уолт Уитмен, «и никто, даже Ббог, не выше, чем каждый из нас для себя... И каждая пылинка ничтожная может стать центром вселенной». С годами мой мир и моё представление о месте в нём существенно изменились, но читать я не перестал. И по сей день полагаю чтение одним из величайших наслаждений, данных человеку и человечеству свыше.

Ещё любил я смотреть — диафильмы и мультфильмы в детстве, потом — кино и спектакли... Концерты тоже именно смотреть, а не только слушать. Но и слушать любил, слушать вообще, когда, например, читают вслух или просто рассказывают. И музыку слушать, самую разную — не было и нет такой музыки, которая не для меня. А больше всего любил музыку, в которой есть слова. И неважно, понятен ли мне язык — был бы голос, складывающий звуки в слова, которые даже и без знания их значения в любимых песнях запоминаются. В 70-х годах прошлого века отнюдь не все наши соотечественники знали французский язык, но очень многие без особого труда могли подпеть Мирей Матьё или Джо Дассену, разве нет? Что уж говорить о песнях на родном, русском языке, ведь если песня хорошая, то и запоминается она довольно-таки быстро. Особенно в детстве.

И вот я услышал Высоцкого. Думаю, услышал, едва только научившись слышать. Одно из первых моих воспоминаний, если вообще не самое первое, — папа поёт мне сказки; естественно, не знаю, кто их придумал; вернее, знаю: папа, кто же ещё? Ведь было у каждого из нас такое время в жизни и время жизни, когда весь мир создавали нам мама и папа.

Когда же я узнал, что песни про страшные муромские леса и про королевство, где всё тихо и складно, сочинил Высоцкий? Наверное, очень скоро. И услышал голос. И увидел его обладателя по телевизору в каком-то фильме. И цветную фотографию актёра, неожиданно бородатого, с завистью разглядывал на чьей-то сумке. А потом и у меня появился свой Высоцкий — чёрно-белый календарик в несколько страничек: папа купил мне его — почти что книжку! — у торговца в поезде. Мой мир заполнялся образами человека, который с пластиночек из студии

звукозаписи (одна такая стоила 76 копеек, а умещалась на ней всего лишь одна песня, так что это было дорого) пел для меня и который, пусть и редко, смотрел из чёрно-белого телевизора «Чайка», а по особым случаям мог прямо с телеэкрана взять да и спеть, как случилось это в фильме «Единственная...».

Я знал, что Высоцкий поёт под гитару и сам же на ней и играет — на фотографиях он был с ней. И как-то раз, присмотревшись к фото, не смог сдержать удивления: гитара-то семиструнная! Так вот почему в одной из песен он поёт, что «семь заветных струн зазвенели в свой черёд»! Семь, а не шесть! Ведь все вокруг играют на шестиструнках, все рок-музыканты, и наши, и не наши. И я искренне полагал, что семиструнная гитара — это только для старинных русских романсов да цыганских плясок, а потому не придавал никакого значения тому, что испокон века на шкафу у нас лежала она — семиструнка. Бабушка говорила, что это настоящая цыганская гитара. И правда, перламутр на деке хоть и подустал от прожитых лет, но формировал какой-никакой орнамент, как мне казалось, именно цыганский.

И тут я понял своё назначение, понял, зачем я пришёл в сей мир: я должен, я обязан научиться играть на семиструнной гитаре, каким-то чудом пришедшей на шкаф нашей квартиры из глубины если не веков, то лет точно! Зачем? А цель одна: я буду петь песни Высоцкого. Многие из них я знаю наизусть. Пою ли? Да, пою. В одиночестве, ибо искренне (и небезосновательно) сомневаюсь в наличии у себя певческих способностей даже в самом зачаточном виде. Но если я научусь играть на гитаре, то и петь смогу не хуже многих. Нет-нет, голосу кумира я подражать не собираюсь, буду петь своим голосом, однако неизбежно подражать интонации — это у меня получится; вернее,

уже получается, когда пою сам для себя (ну, я так думаю, что получается). Дело за малым — быстренько освоить семиструнную гитару.

И вот я приступил к учёбе, и долгие месяцы... Стоп. Почему мы остановились? Да потому что не было долгих месяцев. Более того, к учёбе я так и не приступил, даже самоучитель купить не удосужился. Очень быстро цыганская гитара вернулась на шкаф, а я так и не стал гитаристом-семиструнником. И никаким гитаристом не стал, и вообще ни на каком музыкальном инструменте играть так и не научился. А по правде сказать, и не учился. Так уж бывает в детстве (да и не только в детстве), что какое-нибудь увлечение вдруг захлестнёт тебя всего без остатка и подержит немного, чтобы потом взять и отпустить уже навсегда. Гитара меня отпустила, а вот Высоцкий — нет. И остался я на веки вечные его слушателем и исполнителем песен его в одиночестве. С годами же стал ещё и читателем Высоцкого. Не передать словами того трепета, с которым взял я в руки подаренную мамой книгу «Нерв», ту самую, первую.

Семь струн цыганской гитары так и остались для меня недоступным волшебным предметом, к которому способны прикасаться лишь небожители, умеющие извлекать из него чудесные мелодии. Между тем годы продолжали дарить мне Высоцкого в разных ипостасях его творчества, в разных образах. Во многом, как я теперь понимаю, для того, чтобы когда-то настал момент, в который я, так и не научившись играть на гитаре, всё же сделаю что-то хоть немного, хоть отдалённо, но творческое.

Все мысли и смыслы, копившиеся десятилетиями, а порою и находящие выход (в статьях, например), с какого-то момента попросились быть вместе, в одном простран-

ве, под одной обложкой. И вместе с чувствами и эмоциями стали собираться в путь. И собрались. Только не знаю теперь, рад я этому или нет — они же были лишь моими и лишь со мной, а сейчас уходят в мир, уходят от меня. Но раз это случается, значит, так надо. В общем, в добрый путь. А семь серебряных струн старой цыганской гитары пусть станут главами книги. Я так и не научился играть на них, но попробую из каждой извлечь присущий только ей звук, наполню каждую из семи струн-глав словами о нём — о Владимире Высоцком.

В ЗАПОВЕДНЫХ И ДРЕМУЧИХ
СТРАШНЫХ **МУРОМСКИХ** ЛЕСАХ
ВСЯКА НЕЧИСТЬ БРОДИТ ТУЧЕЙ
И В ПРОЕЗЖИХ СЕЕТ СТРАХ:
ВОЕТ ВОЕМ, ЧТО ТВОИ УПОКОЙНИКИ,
ЕСЛИ ЕСТЬ ТАМ СОЛОВЬИ, ТО —
РАЗБОЙНИКИ.
СТРАШНО, АЖ ЖУТЬ!

Владимир Высоцкий

СТРУНА
ПЕРВАЯ

Мой
ВЫСОЦКИЙ

Вторая половина 80-х годов прошлого века была временем очень необычным: для тех, кто жил в ту пору в нашей стране, всё стало меняться весной 1985 года, когда Михаил Сергеевич Горбачёв, тогдашний лидер государства (оно гордо называлось Союзом Советских Социалистических Республик), провозгласил курс на перестройку. А дальше, что называется, пошло-поехало — годы, как обычно и бывает, сменяли друг друга, но ни один последующий не был похож на предыдущий: 1986-й не был похож на 1985-й, 1987-й — на 1986-й, а 1988-й — на 1987-й... И вместе с тем стремительно менялось сознание людей: с постижением грехов прошлого, с переосмыслением уроков истории, с открытием прежде находившихся под запретом книг и фильмов происходило внутреннее освобождение человека, сопровождавшееся осознанием ценности себя. Сравнить случившееся тогда можно, пожалуй, с тем, что было 30 годами ранее, — со временем оттепели; а обе эти эпохи — и оттепель, и перестройку — уместно соотнести с европейским Возрождением, когда после теоцентричного Средневековья в центре мира вдруг оказался человек. Возрождение в ту пору ценностей Античности сопоставимо с тем, как во времена оттепели от сталинского беспредела возвращались к ленинским идеалам и приоритетам, а в перестройку — от брежневской эпохи, тогда получившей название «застой», к духовным ценностям дореволюционной России.

Но всё-таки главное, что роднит и европейский Ренессанс, и наши оттепель и перестройку, — это осознание челове-

ком собственной свободы, понимание себя самоценной личностью. Историки, занимающиеся эпохой Возрождения, утверждают, что с её наступлением люди стали смотреть вперёд, тогда как в предшествующие времена либо с благоговением взирали на небеса, либо смиренно опускали очи долу, в обоих случаях признавая величие Бога и вместе с этим — свою ничтожность перед ним. И это не только прямое значение, связанное с положением головы относительно внешнего мира; это метафора, передающая те перемены, которые произошли во внутреннем мире. Нечто похожее случилось с человеком — уже нашим человеком из совсем недавнего прошлого, а не с тем, что жил в Европе несколько столетий назад, — и в оттепель, и в перестройку.

А ещё всё это сопровождалось такой великой вещью, как свобода выбора. Да, порою бывает легче, когда выбора нет, когда он уже сделан кем-то за тебя и не надо мучиться, оценивая приоритетность того или иного объекта или определяя, что в это время суток или года больше тебе подходит; иди себе проложенной дорожкой, ведь само наличие альтернативы отрицается. Однако куда как ценнее в этическом плане иметь возможность сделать выбор из двух и более путей, вещей, знаков... Даже в трудности выбора заложено осознание величия себя, ощущение собственной личностной ценности и, что немаловажно, ответственности за совершаемый выбор.

К чему я рассказываю об этом в начале книги о Высоцком? Наверное, ради одного примера. Во времена перестройки, точнее сказать, в самый пик её, под конец 80-х годов прошлого века, я поступил на филологический факультет университета. Открытые широким массам литературные пласты прошлого, возвращённые книги и имена вошли в жизнь читающего человека. И когда настала пора определяться с выбором объекта грядущих филологических

штудий, а проще говоря, с тем, по чему предстоит писать курсовые и диплом, я оказался перед немислимым и невиданным прежде обилием литературного материала: стихи Николая Гумилёва и Осипа Мандельштама, «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, «Котлован» и «Чевенгур» Андрея Платонова, «Мы» Евгения Замятина, песни Александра Галича, Солженицын и Бродский, Аксёнов и Войнович, переводы оруэлловских книг, изданные официально и огромными тиражами... Весь этот массив, обрушившийся на нас, начинающих филологов, давал, казалось, огромные возможности для будущих исследований. Что-то из возвращённого нравилось больше, что-то меньше, что-то становилось откровением, а что-то не цепляло вообще; что-то из не зацепившего тогда было переоткрыто в личном читательском плане спустя годы, а иногда и десятилетия. Но в ту пору хотелось заниматься и тем, и этим, и вообще всем. Вот она, трудность выбора при его свободе. Кого же выбрать, когда столько всего интересного вокруг? Кого определить делом, как тогда казалось, всей жизни? Кого и что изучать?

И тут в ситуацию выбора вступали старшекурсники из числа тех, кто учится лет по десять, в силу чего обладает невероятным авторитетом и глубокими знаниями во всех областях университетской жизни. Один из советов старших товарищей по филологическому поприщу касался как раз того самого выбора материала для курсовых и диплома; звучал этот совет категорично и не терпел никаких возражений: «Никогда не занимайся тем, что любишь». И думалось тогда, что это правда, ведь когда любишь, то делаешь это интуитивно или даже эмоционально; начав же поверять алгеброй гармонию, сильно рискуешь разочароваться в объекте своей любви. Хорошо сказал Гюстав Флобер: «Нельзя касаться идолов, их позолота остаётся на пальцах». Искренне веря в правоту старшекурсников,